

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Яковлева

Волчище недо

Волчище недо

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Яковлева

Юлия Яковлева

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Книга четвертая

Волшебное
недо

1944 год

Москва Самокат

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)
Я47

Яковлева, Юлия.

Я47 Волчье небо: 1944 год. Ленинградские сказки: Книга четвертая [для среднего и старшего школьного возраста] / Юлия Яковлева. — Москва : Самокат, 2020. — 304 с. — ISBN 978-5-91759-931-1.

Ленинград освобожден, Шурка и Бобка вернулись из эвакуации, дядя Яша с немой девочкой Сарой — с фронта. И вроде бы можно снова жить: ходить в школу, работать, восстанавливать семью и город, — но не получается. Будто что-то важное сломалось — и в городе, и в людях: дядя Яша вдруг стал как другие взрослые, Сара накрепко закрылась в своей немоте, а бедному Бобке все время смешно — по поводу и без... Шурка понимает, что нужно во что бы то ни стало вернуть Таню, пусть даже с помощью Короля игрушек, — но какую цену он готов за это заплатить?

«Волчье небо» — четвертая из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна», попала в международный список «Белые вороны» среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграла IN OTHER WORDS крупнейшего британского фонда поддержки детской литературы BOOK TRUST. Вторая книга цикла — «Краденый город» — попала в лонг-лист премии им. В. Крапивина в 2017 году. А третья книга — «Жуки не плачут» — попала в лонг-лист премии «НОС».

© Ю. Яковлева, 2019

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-661-7 (Ленинградские сказки)

ISBN 978-5-91759-931-1 (Книга четвертая)

Но Самсон сказал им:
теперь я буду прав
перед Филистимлянами,
если сделаю им зло.

Суд. 15:3

Итак, она звалась Татьяной.
А. Пушкин. Евгений Онегин

ГЛАВА 1

— Ты осознал? — блеснула очками директор школы.

— Скажи, осознал? — повторила завуч, но более настырно.

На столе лежали папки — личные дела учеников. Завуч была молодой, коротко остриженные волосы торчали углами у щек. Волосы директрисы напоминали цветом смесь перца и соли. Два портрета взирали со стены: справа — портрет Сталина, слева — портрет Ленина. Все четверо смотрели на Шурку. Вожди сверху — дóбро, особенно Ленин. Женщины — строго. Шурка стал глядеть на свои ботинки, чтобы не сказать лишнего.

— Значит, осознал, — сказала за него директриса. Завуч раскрыла рот, чтобы возразить. Но директриса ее опередила. — Дадим тебе испытательный срок. Не подведешь?

Он пожал плечами. Брови завуча сложились в ехидную галочку, а рот директрисы превратился в букву «О».

— Он же тупой! — в голосе завуча зазвенело ликующее «Что я говорила!». Директриса положила свою руку на ее: мол, погоди.

Шурка равнодушно, но громко объявил:

— Я осознал.

— Хорошо, — вздохнула директриса. — Иди. Что у вас сейчас?

— История.

— И больше никаких прогулов! — крикнула вслед. Шурка пробормотал: «я осознал». А когда дверь за ним закрылась, завуч хлопнула обеими ладонями по столу:

— Ведь врет же!

Но директриса закрыла папку:

— Наша задача... Как советских педагогов, — прихлопнула возражения она. — ...Наша задача — подтягивать таких вот шурок. А не давать им скатиться еще ниже.

— Но... — запнулась завуч. А потом голос ее гулко завибрировал — как будто кто-то лил струю в пустое цинковое ведро. — Как советский педагог! Я возмущена... Что с ними всеми такое? В наши дни такого не было. Я считаю! Где не помогает семья, там должна вмешаться школа. Органы! Наказать! Принять меры! Проявить принципиальность! Я считаю! Взять, наконец, в железные рукавицы.

— Елена Петровна, — устало перебила директриса.

Она хотела добавить: «дефективный класс давно переполнен». Она хотела добавить: «война с ними всеми, вот что такое». Она хотела добавить: «полшколы таких шуток». И еще: «тут бы впору не три обычных класса и один дефективный, а три дефективных — и один обычный». Но посмотрела на портреты.

Выполненные без таланта и размноженные типографией, они обладали таинственной особенностью портретов из Эрмитажа: всегда глядеть посетителю в глаза, как бы тот ни ходил вокруг картины. «Может, поэтому в них было что-то жутковатое?» — подумала директриса. Оба, и лысый, и усатый, глядели так, что было ясно: их добренький прищур мог в один миг стать безжалостным.

— Правильно говорить «в ежовые», — поправила она.

Завуч обиженно захлопнула рот. Директриса с трудом отцепила свой взгляд от портретов, посмотрела завучу в глаза:

— В наши дни такого ни с кем не было.

— Это же волчата, — растерялась завуч. Голос ее уже не был цинковым, он дрожал. Директриса выронила папку. Завуч ее опередила: торопливо и гибко наклонилась, подняла. Вернула на стол. Опять заговорила:

— Я в класс вхожу и не знаю — может, меня сегодня ножиком пырнут. Мальчишки эти. Я спиной к ним поворачиваться боюсь.

Глаза ее глядели наивно и кругло. «Девочка — подумала вдруг директриса, — горластая, наивная. Сразу после института — и вот: сразу завуч в мужской школе. А что делать? Людей сейчас везде не хватает».

Похлопала ее по руке:

— А вот бояться не надо. Дети есть дети. Прежде всего, они дети. А не волчата. Им нужны ласка, доброта, внимание.

— Ему? Этому!?

Слово «ласка» ее потрясло:

— Ласка? Да это же...

Она хотела повторить «волчонок», но опять вспомнила гадкое, бесхребетное и близорукое слово «ласка», скривилась. Уверенно закончила:

— Будущий бандит! Сегодня — прогулы. Завтра — кража. Послезавтра — тюрьма.

— А это! — подняла палец директриса. — Уже зависит от нас с вами и коллектива. Кем эти мальчишки станут в будущем.

— Да, но... Как выковать из них советских детей? Как привить им знания и воспитание? Как выполнить задачу, которую возложила на нас партия? Может, их поздно воспитывать? Их изолировать надо! Может, пора подать со-

ответствующий тревожный сигнал... — завуч воздела глаза. Столкнулась с колючими прищуренными глазками, нанесенными типографской краской. Испугалась собственной дерзости. Перевела взгляд ниже — в воображаемые области городских и районных отделов народного образования, и только тогда вымолвила:

— ...наверх?

«Горластая, наивная, опасная», — подумала директриса.

Улыбнулась. Опять похлопала ее по руке: — Еленочка Петровна. Справимся.

Она покосилась на портреты, как будто те могли ее видеть и слышать, и громко добавила:

— Мы же советские люди. Партия и страна поставили перед нами задачу.

Она была старше, она была опытным педагогом, то есть давно знала, как легко обмануть молодых. Строго сказала:

— Если чувствуете, что не справляетесь, переводитесь в женскую школу. Никто вас за это не осудит.

И с удовольствием убедилась: ровно на такой результат она и рассчитывала. Рот завуча захлопнулся. На щеках расцвели два розовых пятна. Та замотала головой, смутилась, встала:

— Партия поставила задачу, я справлюсь!

— Уверены?

— Я справлюсь!

Директриса внутренне усмехнулась. «Просто горластая наивная девочка. Ничего в молодости хорошего, кроме здоровых суставов», — подумала она. Победно стукнула о стол папки с личными делами «дефективных», выравнивая корешки. Отложила. Подвинула к себе стопку тетрадей. Она рада была, что ее собственная молодость прошла навсегда:

— Вот и славно!

К двери завуч Елена Петровна пошла на цыпочках. Недоумевающий взгляд директрисы проследовал за ней. А потом снова окунулся в тетради.

Директриса повидала много детей, разбиралась в людях. Не ошиблась и на сей раз. Елена Петровна была и горластой, и наивной. Ошиблась директриса лишь в порядке слов. Елена Петровна была прежде всего опасной. Потому что никогда не сомневалась в своей правоте.

Она не собиралась сдаваться.

Затаила дыхание у самой двери. Быстро распахнула. Не поверила. Выглянула в коридор. Покрутила головой туда, сюда. Пусто. Шурка под дверью не подслушивал.

«Значит, затеял что похуже». Тихой охотничьей походкой индейца племени сиу Елена Петровна направилась к туалетам, издали втя-

гивая носом воздух. Готовая пуститься вскачь, как только почует первые молекулы папиросного дымка.

У двери класса Шурка замер. Тишина была такая необычная, что поднялись дыбом волоски на руках. «Драпануть?» — промелькнуло.

Он поднял взгляд. Убедился. Нет, дверь правильная.

Тишина — неправильная.

Обычно в классе хлопали партами, грохали стульями. Гоготали. Шептались. Шуршали. Завывали. Вскрикивали. Постукивали. Скрипели. Когда этот разнообразный шум умолкал... А умолкал он обычно после того, как в дверь просовывалась все еще бритая на военный лад голова физрука Окунева или военрука Дыбина. Окунев (или Дыбин) гаркал: «Ма-а-ал! — чать!» И: «Сми-и-ир! — на!»

И шел в следующий класс. Усмирять следующую бурю.

Иногда, правда, шум умолкал вдруг, сам по себе. Такое тоже бывало.

В эти внезапные мгновения абсолютной тишины доносился голос учителя истории Матвея Ивановича:

— ...тогда сказал Александр Невский...

Но прореха тут же смыкалась. Грюк, стук, грохот, вскрики навеки покрывали тайной, что же сказал Александр Невский.

Вот что было правильно.

Шурка осторожно подошел к двери. Осторожно опустил вниз ручку. Осторожно толкнул. И удивился.

Все остальное было как обычно.

Матвей Иванович, тоненький и сухой, как будто составленный из щепок и лучин, расхаживал перед доской. В руке его была указка. На доске висела карта. Лица были обращены на нее. Матвей Иванович заметил Шурку, махнул нетерпеливо: входи же. Тем же нетерпением дохнуло от класса: от всех этих бритых голов, от всех этих вытянувшихся спин, от всех этих распахнутых ушей.

Шурка проскользнул. Тихо сел. Стул скрипнул. Но никто даже не скосил глаза.

— Дыбин пролетел? — прошептал Шурка.

В ответ никто даже не моргнул. Взгляды порхали за указкой. Матвей Иванович разругался от собственного рассказа:

— И вот здесь немцам пришлось закрывать брешь. Они подтягивают двенадцать... Двенадцать! — с каким-то восторгом повторил Матвей Иванович, — ...дивизий с других участков советско-германского фронта. Девять пехотных

дивизий! Одну танковую дивизию! Одну моторизованную бригаду из первой танковой и одну из восьмой армии под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Немцы пытаются закрыть брешь. Понимаете, ребята?

Класс ответил напряженным молчанием болельщиков, замерших на стадионе перед решающим голом. Матвей Иванович, сухой и маленький, как старый воробей, прыгал и порхал у карты.

Только сейчас Шурка заметил, что на ней были не Римская империя, не русские княжества, не какое-нибудь татаро-монгольское иго под пятой Наполеона. На ней было большое розовое пятно, похожее на растянутую шкуру неизвестного зверя. Современное, родное, с надписью «СССР».

Только сейчас Шурка понял, в чем дело и почему тихо: урок истории шел без глаголов в прошедшем времени.

— Вот здесь выдвинулась армия генерала Ватутина. А вот отсюда — армия генерала Колева.

Указка замерла. Шурка, все они — увидели, что советская граница совсем рядом с ней: край большого темно-розового пятна, за которым пестрели все остальные, маленькие, иностранные.

— Вот здесь.

Матвей Иванович зажал указку под мышкой. Зажал локтем тяжело бухающий от волнения левый бок. Ткнул в карту пальцем:

— Вот здесь, — ткнул еще раз Матвей Иванович. — Помните, ребята, мы с вами проходили битву князя Владимира при Корсуни?

Никто не помнил. Но все кивнули вразнойой.

— Ватутин и Конев идут навстречу друг другу...

Шурке представилось: снег, генерал Ватутин, у него на каждой ноге обут — танк. Он не идет. Он — наступает. Блям! Блям! И генерал Конев тоже — навстречу. Своими танками. Блям! Блям!

— ...сюда! — торжественно выговорил учитель истории. Взгляды устремились туда, где стоял палец. — К Корсуни.

Матвей Иванович умолк. Почувствовал, как тяжело бухало сердце, но ему было скорее приятно, хорошо — казалось, сейчас все удары всех сердец в этой комнате слились в одно общее, радостно-тревожное: бум, бум, бум. Даже немного потемнело в глазах. На какие-то полсекунды. Потемнело и прояснилось. Он обвел глазами класс, снова обернулся к карте:

— Вот здесь армии генерала Ватутина и генерала Конева охватывают гитлеровцев в ко-

тел. Понимаете, ребята? По значению своему для исхода войны, для нашей победы. Для конца войны. Битва при Корсунь, ребята... почти как... — с трепетом выговорил, — ...как Сталинград. Корсунь, ребята... Корсунь...

Взгляд его засасывала черная точка, обозначающая на карте город:

— ...Корсунь...

Взгляд пролетел сквозь нее, как сквозь игольное ушко. Помчался дальше, приближаясь с чудовищной высоты. Вот уже видны были на белом снегу темные жучки танков. Вот уже темная масса, покрывающая землю, стала распадаться на зернышки — фигурки людей. Вот уже можно было различить лицо генерала в машине. Оставалось сделать только последнее усилие, чтобы разглядеть, Конев это или Ватутин.

Матвей Иванович, охваченный любопытством, сделал последнее усилие.

Звякнула указка. Он мягко повалился на пол.

Сначала все оцепенели. Тишина в классе стояла по-прежнему, но из внимательной она стала ватной. А потом раскололась и обрушилась, как лед сквозь водосточную трубу. Все заорали. Захлопали парты. Застучали стулья. Шурка поднялся.